HETEROGLOSSIA (11)
Studia kulturoznawczo-filologiczne
www.wsg.byd.pl
Wydawnictwo Uczelniane Wyższej Szkoły Gospodarki, 2021

ORCID - 0000-0002-4534-4806

Dmitrii Lukianov
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

Реализация концепта „доверие/недоверие" в контексте польско-российских отношений (на материале статьи газеты „Gazeta Polska")

В своём известном исследовании „Lach i Moskal" Анджей Кемпиньский *[Andrzej Kępiński]* указывает следующее: „Polacy i Rosjanie nie lubią się, albo ściślej, mają do siebie wszelkie nieprzychylne uczucia, od pogardy, odrazy do nienawiści, co nie wyklucza niejasnego wzajemnego pociągu, ale zawsze naznaczonego nieufnością"[1]. Опираясь на данное высказывание, можно предположить, что оба народа не воспринимают друг друга в рамках концепта **доверие**. Скорее всего, наоборот, поляки и русские испытывают по отношению друг к другу чувства, формирующие взаимное недоверие. Исходя из этого следует, что концепт **Россия** включает в себя компоненты, на основании которых можно судить о том, что в польском языковом сознании сформировалось недоверие по отношению к русским. Точно таким же образом следует говорить о русском сознании, в котором образовалось недоверие к полякам.

В данном исследовании[2] мы отталкиваемся от тезиса о том, что доверие/недоверие возникает в результате накопления оценок, на формирование которых оказывают влияние эмоции. Как пишет Виктор Иванович Шаховский *[Wiktor Iwanowicz Szachowski]*:

> Выразить эмоцию значит как-то охарактеризовать отражаемый объект, показать своё эмоциональное отношение к нему (любая осмысленная эмоция, есть, прежде всего, отношение, т.е. оценка, а эмоция возникает только при оценивающем мотиве)[3].

---

1 KĘPIŃSKI A., *Lach i Moskal Z dziejów stereotypu,* Warszawa-Kraków, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990, s. 17.

2 Данное исследование находит своё место в рамках наших актуальных исследований, посвящённых проблеме доверия между поляками и русскими.

3 ШАХОВСКИЙ В.И *[SZACHOWSKIJ W.I.]*, *Лингвистическая теория эмоций,* Москва, Гнозис, 2008, с. 67.

Когда речь идёт о взаимном польско-российском восприятии, то необходимо взять во внимание исторический фактор. Дело в том, что многие оценочные характеристики по направлению Польша-Россия сформировались на основе событий прошлого. Известно, что Россия зачастую в сознании поляков может соотноситься с такими историческими событиями, как Разделы Речи Посполитой, советско-польская война, времена ПНР, Катынь и многими другими. Очевидно, что осмысление России сквозь призму указанных событий приводит к появлению цепочки негативных ассоциаций, в том числе и стереотипных. В связи с этим концепт **Россия** вбирает в себя неиссякаемое количество негативных эмоционально-оценочных характеристик. Мариан Бугайский *[Marian Bugajski]*, анализируя образ русских в польских СМИ, приходит к следующему выводу:

> Rosja jest zatem postrzegana jako autorytarne, osadzone w tradycji imperium, przy czym kontynuuje ono zarówno najgorsze tradycje dawnej monarchii, jak i późniejszego Związku Radzieckiego. Charakteryzuje ją agresywna polityka kształtowana przez doktrynę sowiecką[4].

Исходя из этого, следует, что концепт **Россия** с таким ассоциативным наполнением, вероятнее всего, приблизится к тем эмоционально-оценочным признакам, входящим в состав концепта **недоверие**.

Однако, кроме этого, нужно отдавать себе отчёт в том, что польско-российские отношения – это непрерывно развивающийся процесс. Это означает, что представления поляков и русских друг относительно друга на протяжении определённого отрезка времени могут значительно модифицироваться. Таким образом может оказаться, что образ русского, который существует в настоящее время, способен разительно отличаться от того образа, который существовал всего лишь две-три декады назад. В связи с этим следует предположить, что меняется эмоционально-оценочная составляющая, а вместе с ней и отношение одной нации к другой. Опираясь на вышесказанное, мы думаем, что недоверие может сменить доверие и наоборот.

Цель данного исследования: на основании лингвокультурного анализа текста статьи „Gazeta Polska" определить, насколько профилируемый в ней образ России близок или далёк к концепту **доверие**.

Мы полагаем, что выбранная нами для анализа статья в той или иной степени может отражать, какое у определённой части поляков (в данном случае – у читательской аудитории газеты „Gazeta Polska") может формироваться отношение к русским. Осмелимся предположить, что представленный нами лингвокультурный анализ является своего рода диагнозом состояния польско-российских отношений. Анализируя текст статьи, можно определить, как

[4] BUGAJSKI M., *Rosja i Rosjanie w polskiej prasie*, [online], http://staff.uz.zgora.pl/mbugajsk/wp-content/plugins/downloads-manager/upload/Rosja%20i%20Rosjanie%20w%20polskiej%20prasie.pdf, [dostęp 14.03.2021].

с учётом прошедших за последнюю декаду событий мог модифицироваться образ русского. Согласно социологическому исследованию, проведённому Центром польско-российского диалога и согласия в 2014 году, происходившие в то время события оказали заметное влияние на образ мышления поляков, вследствие чего «возникло сильное напряжение и много отрицательных эмоций»[5]. Мы склонны считать, что диагностировать состояние отношений между Россией и Польшей возможно и благодаря лингвокультурному анализу. В частности, на примере рассматриваемой статьи мы предпримем попытку выяснить, конструируются ли вокруг концепта **Россия** смыслы, на основании которых можно судить о проявлении доверия.

Итак, данное исследование опирается на методы линвокультурологии. В центре нашего исследования стоит триада: язык – культура – человек/общность. В связи с указанной триадой следует сослаться на Валентину Авраамовну Маслову *[Walentina Avraamowna Masłowa]*, которая отмечает:

> Язык рассматривается в лингвокультурологии как путь, по которому мы проникаем не только в современную ментальность нации, но и в воззрения древних на мир, общество и самих себя. Отзвуки давно минувших лет, пережив века, сохраняются сегодня в пословицах, поговорках, фразеологизмах, метафорах, символах культуры и т.д., и лингвокультурологический анализ помогает их извлечь оттуда, помочь увидеть тот культурный фон, который стоит за единицей языка и который позволяет соотносить поверхностные структуры языка с их глубинной сущностью[6].

Для нашего исследования методология лингвокультурного анализа играет принципиально значимую роль, поскольку мы исследуем язык в корреляции с польско-российской историей, а также культурой обоих народов. Выделим тот факт, что лингвокультурный анализ обладает достаточно богатым инструментарием, поскольку данная научная дисциплина «связана с другими областями знания: культурологией, этнографией, фольклористикой, антропологией, социолингвистикой, психолингвистикой, теорией коммуникации, семиотикой»[7].

Укажем, что одним из основных понятий лингвокультурологии является **концепт**. Согласно Юрию Сергеевичу Степанову *[Jurij Sergejewicz Stepanow]*, концепт – „это «пучок» представлений, значений, ассоциаций, переживаний (…). Они (концепты) – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений[8]. В нашем исследовании нас интересуют концепты **Россия** и **доверие**.

---

5 Польша-Россия. Социологический диагноз 2020., Г.Сигновский, Л.Мазуркевич, Варшава, Центр польско-российского диалога и согласия, 2020, с. 4.

6 МАСЛОВА В.А. *[MASŁOWA W.A.], Основы современной лингвистики*, Витебск, 2018, с. 81.

7 РУДЕНКО Е.Н. *[RUDENKO E.N.], Этнолингвистика без границ. Введение в лингвистическую антропологию*, Минск, БГУ, 2014, с. 5.

8 СТЕПАНОВ Ю.С. *[STEPANOW JU.S.], Константы: словарь русской культуры*, Москва, Академический проект, 2004, с. 43.

На материале статьи газеты „Gazeta Polska" мы планируем обозначить, какие компоненты концепта **Россия** реализуются из всего того огромного числа компонентов, входящих в состав данного концепта, существующего в польской лингвокультуре. На основании выявленных представлений, ассоциаций, значений мы и определим, насколько близок концепт **Россия** по своему содержанию к концепту **доверие**.

В данном исследовании мы не ставим перед собой задачи однозначно ответить на вопрос, доверяют или не доверяют поляки и русские друг другу. Думается, что заключение, которое бы включало утверждения «поляки не доверяют русским», «русские не доверяют полякам» было бы слишком обобщённым и категоричным. Отсюда следует, что анализ, который показывал бы, как в той или иной газете формируются определённые смыслы вокруг концепта **Россия**, на самом деле не отражал бы всех возможных представлений, существующих в польском сознании. Таким образом, анализируя текст выбранной статьи, мы планируем определить, какими смысловыми характеристиками журналист наделяет образ России. Кроме того, выявленные эмоционально-оценочные компоненты позволят определить авторское отношение к России. Одновременно с этим стоит понимать, что в статье может отражаться не только авторское видение, но и видение читателей, которые выбирают данную газету. Отмечая это, с одной стороны, мы имеем в виду, что мнение читателя может в значительной степени совпадать с мнением журналиста, но, с другой стороны, мы хотим обратить внимание тот факт, что мнение читателя может быть сформировано в результате влияния СМИ. При анализе любого публицистического текста нельзя недооценивать его воздействующий потенциал. Как пишет Наталья Ивановна Клушина *[Natalja Iwanowna Kluszina]*:

> Коммуникативное намерение автора публициста – убедить читателя не просто в правомерности, но именно в правильности авторского видения, авторской трактовки действительности. И весь публицистический текст организуется под контролем этой глобальной авторской интенции. Поэтому в любом публицистическом тексте можно обнаружить целую парадигму интенциональных текстообразующих категорий, позволяющую автору решить свою стратегическую задачу – убеждение адресата[9].

Материалом исследования, как уже отмечалось, является статья из газеты „Gazeta Polska". В связи с тем, что общие требования по написанию научной статьи не позволяют представить более обширного анализа, ограничимся рассмотрением текста только одной газетной статьи.

Обратим внимание на тот факт, что „Gazeta Polska" пользуется достаточно широкой популярностью, а это, в свою очередь, означает, что она в той или иной степени отражает видение некоторой части польского общества. Согласно при-

[9] КЛУШИНА Н.И. *[KLUSZINA N.I.]*, Публицистический текст и его стилистические особенности, „Stylistyka", 2010, номер XIX, с. 68.

ведённым данным виртуального интернет-издания „Wirtualne Media", в декабре 2012 года было продано 32097 экземпляров газеты „Gazeta Polska Codziennie"[10]. Согласно данным издания газеты „Gazeta Wyborcza", в апреле 2018 года было продано более 28 тысяч экземпляров газеты „Gazeta Polska"[11]. Как показывают данные за 2012 и 2018 года, уровень заинтересованности газетой „Gazeta Polska" на протяжении нескольких лет остаётся приблизительно на одном и том же уровне.

Хотелось бы также обозначить параметры рассматриваемой нами газеты. На официальной странице данного издания подаётся следующая информация: „»Gazeta Polska« – pismo o profilu prawicowo-konserwatywnym, poświęcone w znacznej mierze bieżącym wydarzeniom społecznym, gospodarczym, historycznym i politycznym"[12]. Указание данных параметризации является весьма значимым, поскольку принадлежность газеты к тому или иному политическому направлению сообщает о наличии определённых ценностей. Мы полагаем, что благодаря лингвокультурному анализу нам удастся выявить, какое место отведено России в аксиологической иерархии журналиста, а также читательской аудитории указанной газеты. Кроме того, свою значимость также имеет информация о том, что „Gazeta Polska" главным образом сосредотачивается на общественных, исторических и политических событиях. Особенную роль данный факт играет в контексте обсуждения доверия или недоверия между поляками и русскими. Дело в том, что, как показывают выводы исследования *Языковой образ Польши и России в текстах обоюдных СМИ*, «сквозь призму политических, экономических и исторических событий польско-российские отношения оцениваются негативно»[13]. Исследование, проведённое Ежи Бартминьским *[Jerzy Bartmiński]*, Ириной Лаппо *[Irina Lappo]* и Урсулой Майер-Барановской *[Urszula Majer-Baranowska]*, также подтверждает то, что стереотип русского в соотнесении с политическим аспектом является крайне отрицательным[14]. В связи с этим фактом можно предположить, что в текстах газеты „Gazeta Polska" обнаруживаются языковые единицы, которые работают на выстраивание концептуальной связи **Россия – недоверие**.

Исходя из того, что политико-исторический контекст предопределяет негативный характер описания польско-российских отношений, мы намеренно принимаем решение обратить внимание на рассмотрение другого аспекта.

---

[10] Wirtualne Media, [online], https://www.wirtualnemedia.pl/artykul/grudzien-2012-zyskala-tylko-gazeta-polska-codziennie-rzeczpospolita-w-dol-o-20-proc, [доступ: 15.05.2021].

[11] „Gazeta Wyborcza", [online], https://wyborcza.pl/7,156282,23581167,tygodnik-powszechny-wyprzedzil-gazete-polska-duze-spadki.html, [доступ: 15.05.2021].

[12] „Gazeta Polska", [online], https://sklep.gazetapolska.pl/strona-glowna/60-tygodnik-gazeta-polska-wydanie-papierowe.html, [доступ: 15.05.2021].

[13] ЛУКЬЯНОВ Д. *[LUKIANOV D.], Языковой образ Польши и России в текстах обоюдных СМИ*, „Acta Polono-Ruthenica", 2020, nr XXV/1, c. 174.

[14] BARTMIŃSKI J., LAPPO I., MAJER-BARANOWSKA U., *Stereotyp Rosjanina i jego profilowanie we współczesnej polszczyźnie*, „Stereotypy mieszkają w języku. Studia etnolingwistyczne", 2007, s. 271.

Таким образом, мы предпримем попытку ответить на вопрос, может ли русский восприниматься сквозь призму доверия при условии обсуждения темы, связанной с проведением чемпионата мира по футболу – 2018. Добавим, что выбранная статья датируется 4 июля 2018 года, то есть она публикуется за несколько дней до открытия данного мероприятия.

Итак, перейдём, собственно, к анализу статьи.

> Impreza na boisku **zbrodniarza**
>
> **Krew mnie zalewa**, gdy na polskich ulicach (również na korytarzach TVP) napotykam mundialowe plakaty z wielkim napisem Russia 2018. Myślę, że nie trzeba nikogo przekonywać, iż w kraju **rządzonym przez Putina (podobnie jak w Sowietach)** sport podporządkowany jest **polityce i oficjalnej propagandzie**.
>
> Narodowa reprezentacja Polski nie powinna pojawić się na rosyjskich boiskach. Po zakwalifikowaniu się na Mundial **należało z wielkim hukiem ogłosić bojkot imprezy**. Należało przypomnieć światu, że **Rosja to agresor, okupujący terytoria innych państw, prowadzący działania wojenne, militarne i hybrydowe, realizujący operacje terrorystyczne**. To państwo, które skrytobójczo **morduje oponentów politycznych, strąca pasażerskie samoloty, prowadzi operacje dezintegracyjne**. Że **jest to kraj, który gwałci reguły międzynarodowe**, nie oddając nam wraku Tu-154M. Trzeba było pokazać, że nie są to pojedyncze incydenty, lecz długa **lista zbrodniczych działań**, prowadzonych planowo z zimną kalkulacją. Warto przypomnieć tu **prorocze słowa** śp. Lecha Kaczyńskiego z Tbilisi: **„Dziś Gruzja, jutro Ukraina, pojutrze państwa bałtyckie, a później może i czas na mój kraj, na Polskę"**. Najbardziej deprawujące jest oswajanie się ze zbrodnią. Mundial, globalne święto sportu, szlachetne współzawodnictwo i zasady fair play, emocje i patriotyzm kibiców, sprawiają, że zapomina się o tym, iż **Rosja to państwo nienormalne**. Owszem, sankcje obowiązują nadal. Po **otruciu Skripala byliśmy świadkami** stanowczych deklaracji, wycofano nawet personel dyplomatyczny. Miesiąc temu ważny dowódca amerykański potwierdził, że **Rosja prowadzi wojnę hybrydową** wobec państw NATO… **No i co z tego? Kto dziś chce o tym pamiętać, skoro najważniejsza jest piłka?** Z perspektywy porażki naszej reprezentacji łatwo dzisiaj snuć podobne rozważania. Niemniej uważam, że powinniśmy poważnie potraktować maksymę o tym, że dla tryumfu zła wystarczy bezczynność sił dobra. **Być może, gdyby w 1936 r. zbojkotowano Olimpiadę w Berlinie, historia świata potoczyłaby się inaczej**[15].

В приведённой статье мы можем заметить, что уже в самом заголовке наличествует эмотивное слово *zbrodniarz*. Употребляя его, автор критикует и осуждает действия России, ведь в польском языке лексема *zbrodniarz* способна соотноситься с оценочными словами и словосочетаниями такого типа: *pospolity; najgorszy, największy; poszukiwany zbrodniarz; zbrodniarze faszystowscy, hitlerowscy, nazistowscy, stalinowscy; komunistyczni; główni, poszukiwani* и другими[16]. В связи с тем, что лексема *zbrodniarz* имеет такую ярко выраженную эмоционально-о-

[15] „Gazeta Polska", [online], https://www.gazetapolska.pl/, [доступ: 10.01.2021].

[16] Wielki Słownik Języka Polskiego, [online], https://wsjp.pl, [доступ 15.01.2021].

ценочную составляющую, мы считаем, что автор, употребляя её, тем самым имплицирует, что испытывает чувства негодования, несогласия по поводу того, что Россия выбрана в качестве хозяйки чемпионата.

Следующее, что негативно оценивает Россию, является выражение *krew mnie zalewa*. В Большом польском словаре *[Wielki słownik języka polskiego]* указывается, что фразеологизм *krew zalewa kogoś* означает то, что кто-то пребывает в состоянии ярости, злится ‘wścieka się’[17]. Иными словами, это в очередной раз показывает, что выражается резко негативная оценка происходящему, то есть в данном случае автор текста выражает свои негативные эмоции, поскольку он находит это неправильным, что в Польше можно встретить плакаты, рекламирующие чемпионат, организуемый Россией. В этом же абзаце, как можем далее увидеть, идёт отсылка на Путина. Упоминание данной фигуры работает на выстраивание негативных ассоциаций в польской культуре. Подтверждением этому является исследование Александры Сыновец *[Aleksandra Synowiec]*, в котором она указывает, что

> Rosja Putina desygnuje zagrożenia i niepokój związane z osobą przywódcy Rosji, politykę twardej ręki, powrót do imperialnej retoryki, ograniczenie demokracji. Filarem tego konstruktu jest KGBowski rodowód Putina, a więc czynny udział w zbrodniczych strukturach ZSRR[18].

Заметим, что в тексте статьи употребляются слова *polityka* и *propaganda*. Употребление обеих лексем способно создать мощную ассоциативную базу с большим количеством негативных представлений. Особенно большую сеть значений способна актуализировать лексема *propaganda*, так как она отсылает к ассоциациям, связанным с коммунистическим прошлым. Наряду с этим в тексте присутствует приём сравнения *podobnie jak w Sowietach*. С его помощью автор может продемонстрировать, что между современной Россией и Советским Союзом существует определённое сходство. Кроме того, автор, скорее всего, апеллирует к идее о том, что если ранее страны бойкотировали СССР, то при похожих действиях современной России, очевидным будет бойкотировать чемпионат мира. Отмечая то, что автор видит сходства между Россией и СССР, следует напомнить, что СССР ассоциируется с невероятно огромным полем, включающим оценочно-эмоциональные единицы. Советско-польская война, Катынь, враг, оккупант, ложь, противоречивость, отсталость, несовременность, социализм, бедность, фашизм, сталинизм – это только небольшая часть того, что может презентовать собой концепт **коммунизм**.

В третьем абзаце этой статьи, следует полагать, приводятся причины, из-за которых Россия, по мнению, автора получает ту, а не иную оценку. Обратимся, например, к предложению: *Rosja to agresor, okupujący terytoria innych państw, pro-*

---

17 Там же.

18 SYNOWIEC A., *Obraz Rosji w dyskursie kulturowo-ideologicznym: studium wyobraźni zbiorowej na łamach polskiej prasy z lat 1991-2005*, Katowice, Uniwersytet Śląski, 2009, s. 227.

wadzący działania wojenne, militarne i hybrydowe, realizujący operacje terrorystyczne. В нём проводятся прозрачные импликации: *agresor* 'война в Украине, война в Грузии' *okupacja* 'оккупация Крыма', *działania hybrydowe* 'война на Донбассе'. Таких событий, подразумеваемых автором, может быть гораздо больше. Мы в данном случае приводим в пример наиболее очевидные события, то есть те, которые с большой долей вероятности должны актуализироваться у читателя при прочтении данного отрывка. Добавим, что это предложение, помимо выделенных выше смыслов, позволяет отрицательно оценить Россию. Слово *agresor*, словосочетания *działania wojenne, militarne i hybrydowe, operacje terrorystyczne, okupające terytoria* продолжают формирование России как страшной, небезопасной страны. Весьма существенным является тот факт, что **Россия** тесно связывается с концептом **война**. Данная соотнесённость гарантированно создаст смысловое пространство, в котором Россия выступает в роли врага, агрессора и т.д.

Выделяющимся фрагментом рассматриваемой статьи является метафора, оформленная с помощью выражения *jest to kraj, który gwałci reguły międzynarodowe*. Особое внимание в ней привлекает глагол *gwałcić*, поскольку его использование позволяет прийти к такому выводу, что Россия – это страна-преступник, ведь данный глагол обозначает действия, совершаемые убийцами, насильниками. Иными словами, областью-источником является сфера значений, связанных с преступностью, а областью-мишенью является Россия. В результате наложения значений одной сфер на другую Россия осмысливается, как страна, которая совершает преступления. При этом образ России-насильника удачно впишется в тот образ, который профилируется в анализируемой нами статье. По сути, метафора только укрепит все имеющиеся негативные представления о России.

Если затрагивать образ России как преступника, то нужно указать, что статья изобилует фрагментами, в которых отмечается, что совершаемые ею действия можно классифицировать как криминальные. Среди них, например: *morduje oponentów politycznych, strąca pasażerskie samoloty, prowadzi operacje dezintegracyjne, zbrodnicze działania, Rosja prowadzi wojnę hybrydową wobec państw NATO, otrucie Skripala*. Как можно заметить, в данной статье педалируется идея, связанная с той мыслью, что Россия – преступник, её действия небезопасны, вредят всему мировому сообществу.

Продолжая развивать эту идею, обозначим, что в статье, по всей видимости реализуется метафора судебного процесса. Используя её, автор, вероятно, имплицирует тот смысл, что Россия должна предстать перед судом, а не организовывать турнир по футболу. Действия, за которые Россия должна быть осуждена, уже были указаны нами выше, то есть это все те действия, которые перечислены автором данной статьи.

Далее по тексту сосредоточим внимание на том, что в статье используется такой фрагмент *byliśmy świadkami*. Эта часть является очень важной, посколь-

ку она дополняет метафорическую модель суда (к уже имеющейся роли преступника добавляется роль свидетеля). Однако, если в случае с вычленением информации о том, что Россия выполняет роль преступника, затруднений не появляется, то выделение информации, кто является свидетелем, требует небольшого пояснения. Дело в том, что мы-инклюзивное, заложенное во фрагменте *byliśmy świadkami*, может подразумевать три варианта: 1. 'автор и польское общество', 2. 'автор и читатели газеты „Gazeta Polska", 3. 'автор и все те люди, которые знают, что Россия совершила описанные преступления'. Тем не менее, независимо от того, что конкретно автор в данном случае имеет в виду, выделение роли свидетеля всё равно служит созданию метафорической модели суда, в которой Россия явно занимает роль преступника.

В контексте такого рассуждения можно говорить о том, что тот образ России, который выделяется на основании приведённой статьи, соотносится с врагом, злом, аморальностью и другими похожими оценочными характеристиками. В данном ключе Россия, несомненно, представляет угрозу, и такую смысловую связь легко обозначить в отрывке, в котором автор ссылается на слова Леха Качиньского: *„Dziś Gruzja, jutro Ukraina, pojutrze państwa bałtyckie, a później może i czas na mój kraj, na Polskę"*. В приведённом отрывке используется приём градации. Известно, что «градация – стилистическая фигура, при которой слова группируются в порядке нарастания или ослабления их эмоционально-смысловой значимости»[19]. Поскольку в рассматриваемой цитате лексема *Польша* указывается последней, это означает, что в данном случае высказывание необходимо для того, чтобы повысить эмоционально-смысловую значимость на компоненте *Польша*. Этим высказыванием автор может подтолкнуть читателя на такого рода умозаключение: Россия, проявив агрессию к Украине и Грузии, может не остановиться на этом и в будущем проявит агрессию уже к самой Польше. В связи с указанным данный отрывок может вызывать эмоции страха. Усилить эти эмоции позволяет другой фактор. Дело в том, что автор приписывает цитате Л. Качиньского пророческий характер, так как указывается, что она была озвучена ещё до событий в Украине. Тем самым делается намёк на то, что если события, которые предсказывал Л. Качиньский, сбылись, то весьма вероятно, что могут сбыться и другие его предсказания.

Обратим внимание на то, что в статье высказывается мнение о том, что Россия – это ненормальное государство. Характеризуя Россию таким образом, автор оценивает её негативно, так как при оценивании, как правило, возникает принцип: «всё то, что не норма – плохо»[20]. Можно дополнить эту мысль: то, что отклоняется от нормы, должно быть отстранено, исправлено. Таким образом,

---

[19] МИХАЛЁВА О.Л. *[MICHALOWA O.L.], Основы теории коммуникации: специфика манипулятивного воздействия в политическом дискурсе*, Иркутск, Изд-во Иркутского университета, 2009, с. 63.

[20] ШАХОВСКИЙ В.И. *[SZACHOWSKIJ W.I.], Лингвистическая теория эмоций*, Москва, Гнозис, 2008, с. 70.

автор имплицирует, что это является недопустимым и возмутительным, что Россию не лишили права провести чемпионат мира.

Конечно, в тексте можем увидеть множество других слов, словосочетаний, предложений, которые в совокупности работают на сближение концепта **Россия** с концептуальным пространством недоверия.

Заметим, что, кроме этого, в тексте имеется риторический вопрос, с помощью которого автору удаётся выразить возмущение. Учитывая то, что содержание риторического вопроса прямо противоположно форме[21], мы можем заключить, что вопрос *Kto dziś chce o tym pamiętać, skoro najważniejsza jest piłka?*, на самом деле имеет значение «Никто не хочет об этом помнить». Исходя из содержания всего текста можно предполагать, что автор возмущается тем, что никто не обращает должного внимания на преступные деяния России, а вместо этого все увлечены идеей футбола.

Очень значимой частью статьи является его завершающее предложение. В нём автор ссылается на олимпиаду 1936 года, которая проходила в Берлине. Такая отсылка позволяет имплицитно передать огромный пласт информации о том, что нужно извлекать уроки из прошлого.

Информация об олимпиаде 1936 года вводится с целью более отчётливо донести идею о том, что если бы многие страны бойкотировали чемпионат в России, это было бы лучшим их решением, которое, возможно, дало бы русским многое понять. Автор транслирует следующую мысль: не бойкотируя чемпионата, участники и болельщики тем самым лишают русских возможности задуматься над своими действиями, а, может, даже, наоборот, дают поводы для понимания того, что всё делается правильно.

Всю приведённую выше информацию нам удаётся вычленить на основании фоновых знаний, касающихся олимпиады 1936, то есть, по сути, информация, которую передаёт автор, заключается в том, что многие страны, отправив спортсменов в Берлин, совершили ошибку, поскольку они не засигнализировали, что Германия ведёт агрессивную политику. Таким образом, автор как раз намекает на некоторое сходство между событиями чемпионата России и олимпиады в Германии. Иными словами, данная аналогия говорит о том, что не нужно совершать подобных ошибок, так как уже известно, к каким последствиям они могут приводить.

В завершение анализа этого текста вернёмся к моменту, в котором автор статьи, пишет, что *należało z wielkim hukiem ogłosić bojkot imprezy*. Как кажется, этот фрагмент демонстрирует акт проявления недоверия автора к России. Лексема *bojkot* означает отказ, то есть её употребление в контексте данной статьи говорит об отказе от участия в чемпионате, проводимом в России. Притом заметим,

[21] МОСТОВАЯ Л.А. *[MOSTOWAJA L.A.], Риторический вопрос в группе косвенных речевых актов*, „ Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания", 2009, №4, с. 43.

что используется словосочетание *z wielkim hukiem*. Оно усиливает эмоциональную составляющую текста, поскольку с его помощью транслируется информация: «не просто бойкотировать, а бойкотировать так, чтобы было заметно, масштабно». Тем способом проявляется сильное несогласие с тем, что чемпионат решено проводить в небезопасной, преступной, злой стране.

Итак, анализ рассмотренной до тех пор статьи показал, что в текстах профилируется резко негативный образ России. В связи с этим обозначим, что в тексте проявляются негодование, несогласие, возмущение, злость. Проявление таких эмоций обуславливается тем фактом, что России как стране, совершающей преступные деяния, предоставлено право проведения чемпионата мира по футболу. Кроме того, выражение такого богатого спектра эмоций может оказывать влияние на читателей. Возможно, что автор имеет цель продемонстрировать идею о том, что читатели также должны считать, что это недопустимо проводить чемпионат при таких обстоятельствах. Отмечая то, какую роль играет эмоциональная составляющая в тексте, обратим внимание на то, что данная статья при прочтении может также вызывать чувства страха, поскольку Россия описывается как страна, нападающая на другие страны и территории.

Что касается смысловой составляющей, то можем заметить, что сочетаемость *Россия – мундиаль* способна приводить к большой цепочке пересекающихся друг с другом ассоциатов. Приведём некоторые из них: агрессор, оккупант, война, Украина, Крым, Сирия, враг, СССР, Путин, политика, пропаганда, преступник. Имея тесную связь с такими компонентами, Россия осмысливается как страшная, небезопасная и несущая угрозу страна. Несомненно, Россия в таком соотнесении становится в какой-то степени синонимом зла, аморальности и вражескости. Кроме того, среди обнаруженных компонентов имеется большое количество тех единиц, которые в контексте рассуждений о России, способны стать реализацией концепта **коммунизм**. Это, в свою очередь, ведёт ещё к более негативному и зловещему образу России, ведь данный концепт представляет собой большую сеть различных отрицательных значений (враг, оккупант, ложь, сталинизм, отсталость и т.д.).

Как видим, выстраиваемый образ России достаточно далёк от семантической зоны доверия. Весь этот эмоционально-оценочный потенциал способствует сближению концепта **Россия** с концептом **недоверие**.

Невероятно значимо подчеркнуть, что вырисовывание образа России, лишённого компонентов концепта **доверие**, является результатом прежде всего прошедших за последние десятилетия событий. Война в Украине, оккупация Крыма, война в Грузии – это те события, которые очевидным образом оказали влияние на появление отрицательного образа России. По сути, рассматриваемая статья демонстрирует, что негативных представлений о русских стало намного больше. К существовавшим ранее ассоциатам (Россия – СССР – оккупант – Катынь – коммунизм – враг) добавились новые (война в Украине, ок-

купация Крыма, война в Грузии, сбитый боинг). Так или иначе, можно утверждать, что в представлении многих поляков образ России переформировался в более негативный. При этом заметим, что, несмотря на то, что данная статья находится в русле обсуждения чемпионата мира по футболу, автор не уделяет внимания спортивному аспекту. Основное направление, которое принимает данная статья, политическое. Отсюда следует, что в рамках дискурса указанной газеты по отношению к России выстраиваются оценки, на основе которых можно судить о проявлении недоверия. В связи с этим становится очевидно, что в аксиологической иерархии журналиста и, может быть, читателей **Россия** занимает достаточно низкую позицию.

Крайне важно отметить, что представленный образ не является отражением всех представлений о России, оформленных в польском обществе. **Россия**, наделённая указанными смыслами, отражает прежде всего видение автора, а также в той или иной степени видение его читательской аудитории.

Таким образом, в приведённом исследовании мы представили небольшой фрагмент, касающийся взаимных польско-российских отношений, а именно мы предприняли попытку показать, как может осмысляться образ России только одной частью общества. Мы убеждены, что концепт **доверие/недоверие**, реализуемый в по направлению Польша-Россия, Россия-Польша, несомненно требует дальнейших изучений. Например, взяв во внимание тексты других изданий, а также рассмотрев, как реализуется концепт **доверие/недоверие** сквозь призму других событий, мы сможем более полно охарактеризовать польско-российские отношения. Кроме того, необходимо постоянно считаться с тем фактом, что отношения между двумя народами – это постоянно развивающийся процесс, поэтому проводимые исследования на заданную тему неизменно останутся актуальными.

Библиография

1. КЛУШИНА Н.И. *[KLUSZINA N.I.]*, Публицистический текст и его стилистические особенности, „Stylistyka", 2010, номер XIX, с. 67-78.
2. ЛУКЬЯНОВ Д. *[LUKIANOV D.]*, *Языковой образ Польши и России в текстах обоюдных СМИ,* „Acta Polono-Ruthenica", 2020, номер XXV/1, с. 163-175.
3. МАСЛОВА В.А. *[MASŁOWA V.A.]*, *Основы современной лингвистики,* Витебск, 2018.
4. Польша-Россия. Социологический диагноз 2020., Г. Сигновский *[G. Sygnowski]*, Л. Мазуркевич *[Ł. Mazurkiewicz]*, Варшава, Центр польско-российского диалога и согласия, 2020.
5. МИХАЛЁВА О.Л. *[MICHALOWA O.L.]*, *Основы теории коммуникации: специфика манипулятивного воздействия в политическом дискурсе*, Иркутск, Изд-во Иркутского университета, 2009.
6. МОСТОВАЯ Л.А. *[MOSTOWAJA L.A.]*, *Риторический вопрос в группе косвенных речевых актов*, „ Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания", 2009, №4, с. 39-45.

7. РУДЕНКО Е.Н. *[RUDENKO E.N.]*, *Этнолингвистика без границ. Введение в лингвистическую антропологию,* Минск, БГУ, 2014.
8. СТЕПАНОВ Ю.С. *[STEPANOW JU.S.]*, *Константы: словарь русской культуры,* Москва, Академический проект, 2004.
9. ШАХОВСКИЙ В.И. *[SZACHOWSKI W.I.]*, *Лингвистическая теория эмоций,* Москва, Гнозис, 2008.
10. BARTMIŃSKI J., LAPPO I., MAJER-BARANOWSKA U., *Stereotyp Rosjanina i jego profilowanie we współczesnej polszczyźnie,* „Stereotypy mieszkają w języku. Studia etnolingwistyczne", 2007, s. 262-298.
11. BUGAJSKI M., *Rosja i Rosjanie w polskiej prasie*, [online], http://staff.uz.zgora.pl/mbugajsk/wp-content/plugins/downloads-manager/upload/Rosja%20i%20Rosjanie%20w%20polskiej%20prasie.pdf, [dostęp 14.03.2021].
12. „Gazeta Polska", [online], https://sklep.gazetapolska.pl/strona-glowna/60-tygodnik-gazeta-polska-wydanie-papierowe.html, [доступ: 15.05.2021].
13. „Gazeta Wyborcza", [online], https://wyborcza.pl/7,156282,23581167,tygodnik-powszechny-wyprzedzil-gazete-polska-duze-spadki.html, [доступ: 15.05.2021].
14. KĘPIŃSKI A., *Lach i Moskal Z dziejów stereotypu,* Warszawa – Kraków, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1990.
15. SYNOWIEC A., *Obraz Rosji w dyskursie kulturowo-ideologicznym: studium wyobraźni zbiorowej na łamach polskiej prasy z lat 1991-2005,* Katowice, Uniwersytet Śląski, 2009.
16. *Wielki Słownik Języka Polskiego*, [online], https://wsjp.pl, [доступ 15.01.2021].
17. Wirtualne Media, [online], https://www.wirtualnemedia.pl/artykul/grudzien-2012-zyskala-tylko-gazeta-polska-codziennie-rzeczpospolita-w-dol-o-20-proc, [доступ: 15.05.2021].

Realisation of the concept „trust/distrust" in the context of Polish Russian relationship (based on the article of the newspaper „Gazeta Polska")

Summary: In order to get closer to the answer to the question whether Russians and Poles trust each other, the author of this research resorts to linguocultural analysis. Based on the article Gazeta Polska the author attempts to find out how close the concept of Russia and the concept of trust could be.

By analysing the linguistic units and means used in the article, the author comes to the conclusion that the concepts of Russia and trust do not overlap within the discourse of this newspaper. This conclusion is drawn from the fact that in the Gazeta Polska article the concept of Russia is concentrated around negative evaluative components. In addition, the author finds that the language units and techniques used in the text of the article are intended to arouse feelings of fear as well as emotions of indignation, outrage and disagreement in the reader.

Keywords: Russian Polish relationship, concept, concept „Russia", concept „trust", linguocultural analysis

DOI: https://doi.org/10.34864/heteroglossia.issn.2084-1302.nr11.art14